

Необходимость Зла: дискурс ядерного оружия в кинематографе

Научный руководитель – Рябов Дмитрий Олегович

Яковлева Таисия Андреевна

Студент (бакалавр)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» -
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургская школа социальных и гуманитарных наук,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: taissia54321@gmail.com

Дискурс ядерного оружия в мировом кинематографе актуален, поскольку соединяет традиционные и новые измерения международной безопасности. К числу традиционных относятся ядерное сдерживание, конкуренция государств и дилеммы суверенитета. Однако в современных условиях к ним добавляются новые вызовы: медиатизация угроз, ускоренное распространение образов через глобальные сети и аффективная мобилизация аудитории. Кино одновременно воспроизводит схемы стратегического мышления (угроза/сдерживание, исключительное решение, ответственность лидера) и функционирует как механизм нормализации чрезвычайных мер. Тем самым оно влияет на массовое восприятие допустимости применения силы, расширения суверенных полномочий и приостановки норм. Анализ этих процессов позволяет связать символическое производство угроз с практиками международной безопасности.

Настоящее исследование предлагает рассматривать дискурс ядерного оружия в мировом кинематографе как визуально-дискурсивный диспозитив — совокупность нарративов, образов и аффективных приёмов, которые предписывают актантам определённые позиции, роли и ценности и тем самым конституируют политические субъекты. В работе понятие «необходимость зла» используется не как моральное оправдание, а как дискурсивный эффект: когда применение или угроза ядерной силы представляются в кино как единственно возможный инструмент сохранения порядка и безопасности, а не как исключительная катастрофа.

Опираясь на подход Мишеля Фуко, кино рассматривается как элемент широкого диспозитива, производящего режимы истины и нормативные практики. Визуальные и нарративные техники (камерная композиция, монтаж тревожной музыки, символика «красной кнопки») формируют поле допустимого, внутри которого ядерное оружие становится символом контроля и последней инстанции спасения [6, с. 27–30]. Логика состояния исключения по Агамбену показывает, как кинематографические сюжеты моделируют ситуации, где нормы приостанавливаются и принятие экстремальных мер преподносится как вынужденная рациональность [1, с. 17–25].

Постструктуралистская теория Laclau и Mouffe помогает понять, как ядерный объект функционирует как «пустой знак», вокруг которого артикулируются гегемонические смысловые цепочки — безопасность, суверенитет, ответственность [4, С. 112–118]. Психоаналитическое измерение вводит в анализ динамику желания и разделённости субъекта: ядерная угроза в кино выступает одновременно как объект ужаса и как «символический оплот» иллюзии целостности политического порядка, на который субъект проецирует надежды на контроль и стабильность [3, С. 53–60; 3, С. 41–47]. Наконец, теория миметического насилия по Girard демонстрирует механизм сакрализации врага: коллективная тревога концентрируется на Другом, через исключение которого сообщество восстанавливает свою кажущуюся целостность и оправдывает насилие как ритуальный акт очищения [3, С. 7–15].

Дискурс ядерного оружия в кино формирует субъектность через несколько взаимосвязанных практик. Прежде всего, это нормативная расстановка ролей: фильмы стабильно продуцируют бинарные оппозиции вроде героя и злодея или защитника и угрозы, закрепляя за актантами понятные функции и моральные интенции. Военные, политики и учёные предстают в них как институционализированные узлы ответственности, причём позиция «защитника» часто присваивает себе право на легитимацию исключительных мер. Этому способствует эстетика исключения: визуальные приёмы — от съёмки паник-кадров до замедленных планов детонации и акцентов на технике управления ядерной силой — воспроизводят логику, в которой на моральную дилемму просто «нет времени», и она подменяется технической необходимостью. Такое эстетическое моделирование переводит чрезвычайные решения в разряд повседневной рациональности. Наконец, ключевую роль играет аффективная мобилизация: через риторику страха и спасения кино создаёт эмоциональные привязки, делающие акты насилия воспринимаемыми не просто как неизбежные, но и как морально оправданные. В итоге ядерный объект становится символическим центром, который одновременно аккумулирует в себе проекции и безопасности, и угрозы.

Кинематографическая нормализация «необходимости зла» имеет реальные политические последствия: она подготавливает массовую аудиторию к акцепту расширенных полномочий суверена, приостановлению правовых норм и эстетизации убийственной техники как «оберега». В результате массовое воображение начинает воспринимать исключение как устойчивую форму политического управления, а не как временное отклонение.

Сопоставление фукоанского диспозитива, агамбеновского исключения, лакановской теории и жираровской концепции миметического насилия позволяет показать, что мировой кинематограф не просто отражает предустановленные представления о ядерности — он их производит, легитимирует и пересубъективирует. Дискурс ядерного оружия создает эффект «другого-внутри-нас»: зло становится одновременно чужим и интимным, пугающим и притягательным. Такое напряжение служит важнейшим ресурсом политической субъективации современного зрителя.

Источники и литература

- 1) Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2006.
- 2) Жижек С. Некоторые политически некорректные размышления о насилии во Франции и не только // Логос. – 2006. – Т. 2.
- 3) Lacan J. The Seminar of Jacques Lacan: Book 1: Freud's Papers on Technique 1953-1954. – CUP Archive, 1988.
- 4) Laclau E., Mouffe C. Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics. – Verso books, 2014. – Т. 8.
- 5) Жирар Р. Козел отпущения. – ЛитРес, Издательство Ивана Лимбаха, 2023.
- 6) Foucault M. Discipline and punish // Social theory re-wired. – Routledge, 2023.